

Всего несколько дней назад Гарри собственными глазами убедился в силе могущественной Окклюменции, наблюдая за Дамблдором. Директор, словно несокрушимый щит, отражал бурю ярости, которая угрожала прорваться наружу. — Подожди... Ты это видел? — пронеслось в голове Гарри. Он отчетливо чувствовал гнев Дамблдора, не только в его выражении лица, но и глубоко внутри, словно щупальца магии проникали в его сознание. В нем зародилась мысль: его собственная магия могла стать ключом к бесценным знаниям, если бы он научился ее контролировать. Но была и более насущная причина, по которой Гарри необходимо было укротить свои эмоции. В данный момент его чувства вырывались наружу, подобно шторму, и омрачали все вокруг. Он не мог позволить этому продолжаться. Не мог позволить своему настроению отравлять окружающих, как черная туча, нависающая над миром. С этой мыслью Гарри подтянул ноги к себе и начал дышать глубоко и размеренно, следуя советам из книг по Окклюменции. После долгих, мучительных попыток, он наконец почувствовал, как его сознание обретает ясность. Он начал искать свое магическое ядро, погружаясь в глубины собственной души. — Гарри? — нежный голос прервал его медитацию. Открыв глаза, Гарри увидел Гермиону, которая снова пришла его проводить. Она была посвящена во все тайны его магии, и, казалось, не смущалась той близости, которую создавала его сила. Гарри всегда знал, что Гермиона не прочь пообниматься, и он мечтал, чтобы его плащ стал для нее источником тепла и уюта. — Ты была первой, кто обнял меня, — с улыбкой признался Гарри, вспоминая, как Гермиона утешала его в трудную минуту. — Тогда я и понял, насколько иронична вся эта ситуация. Я до сих пор стесняюсь случайных прикосновений, а сам без спроса вторгаюсь в личное пространство каждого, кого встречаю. Но его шутка осталась незамеченной. Гермиона была поражена другим признанием. — Никогда, Гарри? Твои родственники никогда... за одиннадцать лет? — ее голос звучал с недоверием. Гарри пожал плечами, невольно содрогнувшись от одной мысли о Дурслях. Он не мог представить, чтобы кто-то из них попытался его обнять. Гермиона, потрясенная услышанным, сникла в кресле. Она хотела обнять друга, но боялась его спугнуть. Она сделала глубокий вдох, досчитала до пяти и улыбнулась Гарри, словно желая сказать: "Не бойся, твоя жизнь не так уж безнадежна". — Я впечатлен тем, что ты рассказал мне все это, Гарри, — сказала она. — Тебе помогает изучение Окклюменции? — Ну, нет, — ответил Гарри, глядя в потолок. — Не думаю, что есть какое-то магическое решение, которое заставило бы меня признаться. Он усмехнулся, подперев себя подушками. — По правде говоря, последние три дня я медитирую по двенадцать часов в день. Сейчас я чувствую себя чертовски сосредоточенным. Гермиона кивнула, понимая, что медитация действительно могла помочь Гарри. — Думаю, скоро я буду хорошо владеть Окклюменцией, — сказал Гарри, — Как раз перед тем, как ты вошла, я пытался найти свое магическое ядро. Кажется, я почувствовал, что оно близко. — Но не в арифметике, — с улыбкой заметила Гермиона. — Гермиона, давай вернемся к тому, о чем мы говорили раньше, — предложил Гарри. — Я тут подумал... — Давай, — сказала Гермиона, стараясь казаться беззаботной. Она взяла книгу и положила ее на колени. — Думаю, я могу принять тебя в семью, Гермиона... Гарри, смущаясь, не смотрел на Гермиону. — Моя семья — отстой, так что я заберу тебя из твоей. — Отлично, тогда я твоя сестра. Я требую полного раскрытия, — заявила Гермиона, отложив книгу. — Расскажи мне все о своей жизни. Я стану твоей сестрой на всю жизнь, несмотря ни на что. Я знаю, ты думаешь, что твое воспитание делает тебя слабым, но когда ты будешь практиковать Окклюменцию, ты поймешь, что это совсем не так. Гарри кивнул, но покачал головой. — Тогда я сначала потренируюсь в Окклюменции. А потом свяжусь с тобой. Я все равно буду называть тебя сестренкой, нравится тебе это или нет. Он улыбнулся и посмотрел в потолок. Он чувствовал, что все идет к лучшему.